

Вера Гончарук. «Пора знакомиться». 5-1988-90

Глава 45. Страшный рубеж.

Вот и подошло время трудного. И ведь много сигналов было, но мы их не поняли, как всегда задним умом крепок человек.

Первый сигнал прошёл вскоре после моего приезда из санатория. Вера пришла ко мне со своими двойняшками, они с Володей и Ванечкой в Иринкиной комнате играли. Пока сама Иришка дома не жила, они всё время там играли, словно мёдом там им намазано.

Окно у нас открыто на кухне, я вожусь с обедом, Веруська курит и мы обсуждаем своё бабье, рассказываю ей о впечатлениях, о санатории, как вдруг слышу, голос детский подозрительно близко звучит, я всё побросала и в комнату к Иришке.

Вовремя подоспела. Одна из двойняшек, стоит, балансирует на батарее одной ногой, а вторую поджатой держит, рукой за косяк держится и наполовину, спиной вниз в окно перегнулась, с кем-то на балконе соседнего подъезда перекликается. И как раз в этот момент её нога заскользила. В общем, не подоспей я вовремя, только бы мы ребёнка и видели.

А окна, если вы помните в комнатах, я об этом писала на 50 см от пола и батареи ещё под ними, в общем, все условия для беды созданы.

Я окна закрыла, детей отругали, испуганы же обе и строго настроено наказали больше окна не открывать.

Второй случай уже в мае. Мы, когда дома все, то дверь входную не запираем, чтобы лишний раз на звонок не отвлекаться. Соседи ближайшие тоже это знают, так что просто заходят, если нужно.

Вот я опять на кухне верчусь, это вообще место моей прописки в квартире, настолько, что и детей младших мы в шутку зовём кухаркины дети.

Ванечка у меня в рабочем столе сидит, кастрюльки все оттуда выгрузил, сам, как в домике устроился. Этот стол у моих мальчишек, до определённого возраста, домиком для всех является. Женя гуляет, Саша в магазин ушёл, а Володя в Иринкиной комнате играет. Вдруг с грохотом ударившись во встроенный шкаф, распахивается входная дверь, я выскакиваю на стук, а там Вера, ни слова не говоря прямо в Иришкину комнату. И тоже в последний момент выхватывает из окна, уже начинающего падать Вовку, прижимает к себе, а потом начинает его трясти, как грушу, приговаривая: «Ты что, совсем с ума сошёл». Вот так спасли детей друг дружке.

А потом сидим на кухне, она Вовку с рук не спускает, отдышаться пытается, а потом рассказывает. Иду вниз, голову вверх подняла, а в окне Вовка, наполовину высунулся и рукой по стене тянется. У него шарик воздушный вырвался, но не улетел, сильный ветер его к стене прибивает и нитка за плитки зацепилась, а он пытается этот шарик достать. Вера, как это увидела, голову от страха чуть не потеряла, голос-то точно и галопом в арку и в подъезд, одним махом, не ожидая лифта пешком на восьмой взлетела, и успела ведь. Вот так видимо Господь уберёт.

Вообще-то и более мелкие сигналы шли, да пойдёшь - пойми. Иринка забегала домой примерно через выходной, иногда с ночёвкой, иногда часа на три, но каждый её приход знаменовался какой-нибудь неприятностью. Пока мы с ней на кухне сидим, дела обговариваем, она своим делится, Ванечка обязательно у неё в комнате нашкодит. То молоточком маленьким по трельяжу постучит, щербины наделает, то пудру рассыплет, года два потом из щелей

вымывать будем, то рисунки целую папку по ветру в окошко пустил. А рисовала-то Иринка отменно, не успел выбросить там половину рисунков, разобрали и растащили, Иришка остатки со слезами собирала.

Главное, когда её нет, ничего такого не происходит, а как придёт, нате вам. То ли ревность в нём просыпается, то ли что, поди, разбери.

А Иришка меня секретам макияжа обучает, как утреннюю косметику наложить, как вечернюю, как лицо оживить, если настроение тусклое. В общем, иногда и яйца курицу учат.

В июне Женя на всё лето с училищем укатил в Астрахань на арбузных плантациях трудиться. Ой, как я переживала сначала, пускать не хотела. Ему когда 12 лет было сделали операцию удаляли аденоиды и гланды, и нужно было на юг к морю, для закрепления эффекта, чтобы больше аденоиды не выросли, полоскать морской водой. Вот мне Ирина Викторовна и помогла с путёвкой в пионерлагерь в Анапе. Помогло. Но именно там, наш домашний пацифист, который и мухи не обидит, получил удар ножом, от местных ребят, в лопатку. Тогда-то и научился не только драться и за себя постоять, но и нож у обидчика сумел отобрать. Они с отцом меня и убедили, что теперь бояться нечего, Женя больше не девица красная, за себя постоит, к тому же коллектив мужской, крепкий, в обиду себя не дадут. Так и вышло. А тут он помимо работы на полях научился забивать баранов, его поставили при кухне работать.

В июле обоих младших мальчишек отправили в Виноградово, Володю в пионерлагерь, Ванечку в открывшийся рядом детский садик. И каждый выходной ездили их навещать. Как ни странно, детки е капризничали, домой не просились, чувствовали себя там хорошо. Им предстояло там пробыть до 29 числа.

Вот пишу и ловлю себя на мысли, что всеми силами оттягиваю роковое, но оно всё ближе и ближе подкатывает и его не избежать.

27 июля Иришка пришла домой, поздно забежала, уже в 11 часу вечера, прямо с работы. Вижу, что она возбуждённая, но не радостно, а как-то тревожно.

Стали чай пить и разговаривать. О многом говорим, только чувствую, гложет её что-то, недоговаривает, постоянно в себя уходит. И рефреном через весь разговор идёт: «я люблю свою работу и делаю её хорошо». Потом задаёт вопрос: «Мам, а что будет, если у меня будет ребёнок, а он на мне не жениться?»

Думаю, значит не всё у неё с парнем в порядке, не уверена она в нём, наверное, это и есть причина её беспокойства. Отвечаю:

- Да ничего не будет, вырастим, где эти растут, там и твоему места хватит. Дети это всегда счастье. А ты что, точно ждёшь? Неужели страхи напрасными были, тогда всё прекрасно.

- Не знаю, не вполне уверена, но, кажется, жду. Заявление мы вообще-то подали уже, но о ребёнке я ему пока не говорила, а вдруг он против будет или я ошибаюсь.

- Ну, так давай я тебя к врачу запишу, тогда точно узнаем

- Запиши, а я потом подъеду.

В общем, получается, к свадьбе готовиться нужно, а её сомнения гложут, но может это особенности состояния беременной, у нас же в это время разные страхи и причуды рождаются. А то, что она нет-нет опять к любви к работе возвращается, до меня не доходит тревогой, на её состоянии сосредоточилась. А зря, но кто же знал-то, что у неё на работе беда стряслась.

Так о разном всяком до трёх поговорили, спать легли, а с утра мне на работу бежать, а я не могу отчего-то, Ирине позвонила, можно ли я вечером выйду, она согласилась. До трёх дня я дома пробыла и Иришка со мной. И вот что странно ходит за мной, как приклеенная, то я в туалет, она под дверью стоит и говорит, говорит, то выйду, она меня обнимает, ластится, сроду такого, с детства не было. А я дама со странностями, сама обнять, приласкать могу, а когда меня обнимают, зажимаюсь вся, видимо это откуда-то из детства страхи ползут. Подсознание наше многое от нас скрывает. Но всему конец приходит и хочешь, не хочешь, а на работу идти надо.

Потом я на работу пошла, а она говорит, я сейчас ванну приму, потом тоже поеду. С тем и расстались, и никто не сказал мне, никакой голос не просигналил, что это в последний раз я свою дочь живой вижу.

Вечером вернулась с работы поздно, пока со всем управилась, да и спешить особо некуда, детей дома нет, Саша взрослый сам управится.

Пришла, Саша спит уже, на кухню прошла, свет зажигаю, а там посреди стола стоит чёрный чемоданчик косметический и записка к нему приложена: «Мама, это тебе, ходи всегда красивой».

Вот тут, словно котик лапкой по душе скребнул, но опять поверхностно, особо не зациклилась.

На следующий день с утра на работу, день ответственный, в собес идти, новые пенсионные поручения получать, пенсионеры-то каждый месяц прибавляются. А Саше вечером детей из лагеря у работы встречать, привезут их.

29 июля, самый чёрный день календаря.

Я иду в собес, нет неправда, не иду, я лечу, едва касаясь земли, пружинящей летящей походкой. На душе непонятная лёгкость и состояние песни и счастья. Время 12.30, знаковое время, именно в него погибла моя девочка, то есть опять подъём душевный сигналил мне о беде, а я не понимаю. А ведь говорили же мне, говорили, что у меня перевёрнутое восприятие. Значит, слушала, но не понимала сознанием. Из собеса на работу, отработала домой. Со мной вместе Танюшка Анастасенкова, почтальон наш пришла. Мы с ней сидим, болтаем, я готовлю ужин, дети с минуты на минуту приедут.

Вот уже и Саша с детьми пришёл. За это время, до их прихода, раз шесть телефон позвонил, отвечаю - молчат, а один раз вроде, как всхлип послышался. То ли ошибаются, то ли хулиганят, не поймёшь.

Накормили детей ужином, они возбуждённые гулять унеслись, с друзьями встречаться, впечатлениями делиться, а мне вдруг холодно стало, и голова разболелась. На улице под тридцать, а меня колотит озноб, я Татьяне и говорю: «Всё мать, чеши домой, как-то мне хреново, пойду в ванной полежу, прогреюсь».

Танюшка ушла, а я в ванну. Вода льётся, шумит, сквозь неё звонок в дверь слышу, время к девяти вечера уже, я решила, что дети с улицы пришли. Они и пришли, только не одни. Сквозь воду голоса посторонние слышу, слов не разберёшь, я ещё подумала - может дети нашкодили, кто-то жаловаться пришёл, опять разбираться придётся. Немного погодя стук в дверь. Я из ванной встала, занавеской прикрылась, дверь открываю. Саша стоит, лицо каменное, суровое, а сам в карман какие-то документы пихает. В кармашек на груди в рубашке. Не знаю с чего, но первая мысль, что он свой паспорт в карман сунёт и сейчас мне скажет: «Я от тебя ухожу».

А он говорит: «Вер, оденься, выйди...»

И отошёл на кухню. Я лихорадочно вытираюсь, напяливаю на себя одежду непослушными руками, выхожу, детей не слышно и не видно, они уже в кровати сами улеглись, небывалое. А Саша стоит на кухне, и вижу, дрожащими руками в стакан сердечные капли капает, и не знаю отчего, ведь Женьки дома нет, он далеко от дома, но я сразу спрашиваю: «Что с Ирккой?»

Вот видимо когда сигнал дошёл. У него стакан и пузырёк из рук так и покатались, говорит:

- Ты иди, сядь, я всё тебе скажу...

- Нет, так говори, я не упаду, говори.

- Нашей Ирки больше нет!

- Неправда, - это хрипом выползло, - неправда, ты ошибаешься.

- Нет, правда, вот...

И дрожащими руками начинает эти злосчастные бумаги из кармана выдирать, чтобы мне показать. А сам белый, как мел и голос тоже дрожит:

- Она с собой покончила, выбросилась из окна, нам завтра нужно с утра в морг ехать.

- Едем сейчас

- Нет, там сейчас закрыто, завтра.

А дальше всё как в тумане, только вспоминаю себя сидящей в её комнате и Сашу рядом. Держим её фотографию, смотрим и говорим, говорим, вспоминаем её, и я без конца повторяю: «это неправда, завтра всё выяснится, это не она...».

Утро 30 июля. Еле дождалась, не знаю откуда, скорее всего Саша звонил им, но в доме появились Вера и Таня. Таня в полном шоке, ведь только вчера мы сидели с ней и разговаривали, а сегодня такое. Мы собираемся и едем во 2-ой судебно-медицинский морг, на Хользунова. Всё ещё закрыто и даже ворота, мы выходим на Комсомольский и садимся на сквере, переулок точно напротив сквера и нам будет видно, когда откроются ворота. Мы о чём-то говорим, но я не понимаю ни слова, ни смысла, видимо просто забиваем эфир, как выражается современная молодёжь.

Потом, как только мы видим, что ворота открылись, мы тут же идём в морг. У окошка никого, мы первые.

Мы подаём свои бумажки, и работница уходит, а у меня опять ощущение, что вот сейчас выйдут и скажут, что это бред, ошибка, что Иринка жива.

Но выходят и подают другие бумаги, что-то говорят, нужно расписаться, а я в ступоре и беседует с ней Саша и он же расписывается за получение бумаг и выслушивает инструкции работницы. Я рвусь внутрь, мне нужно видеть, что это правда дочь, но охранник пытается меня успокоить, что это нельзя, это не положено и Саша уводит меня. Едем назад, и Саша говорит, что он получил акт о вскрытии и там написано, что у дочери была беременность 10-12 недель, я отвечаю, что я знала, только не знала сроков. Значит, мы будем хоронить двоих, точно двоих. Ещё он говорит, что увидим Иру только 2 августа, во время похорон, и я не понимаю, почему так долго, а он объясняет, что труп криминальный. Труп, это об Иринке? И ещё говорит, что нужно привезти одежду, платье с длинным рукавом и чем-то закрывающим шею и чулки обязательно. Я слушаю и понимаю только наполовину, всё доходит до меня в замедленном ритме.

Дома много народа, здесь и девочки из 570 и девочки из 525. Они привезли деньги, дают их нам, я не понимаю зачем, мне все стараются доходчиво объяснить, что нам сейчас понадобится много денег, а я не соображаю зачем. Может быть, вам покажется странным, но я напрочь забыла о своих мальчишках, я даже не спрашиваю где они, ели ли они, всё ли с ними в порядке. Я не плачу, не бьюсь в истерику, не кричу, говорю монотонно и ни на что не реагирую. Мне что-то суют в руки заставляя съесть и выпить, я отталкиваю. Ничего кроме омерзения еда и питьё у меня не вызывают. Потом я начинаю твердить, что нужно чулки и платье и повторяю это с упорством маньяка. Вера успокаивает меня, говоря, что сейчас мы с ней поедem в магазин и всё купим. Потом помню нас уже в ЦУМе, мы обошли уже несколько магазинов и нигде ничего подходящего я не увидела, а тут вдруг вижу платье серо-голубого цвета с юбкой бантовкой от бедер с длинным рукавом и большим широким галстуком. Видимо в модели он завязывается большим бантом, так как концы у галстука равновеликие, широкие и длинные. Я сразу решаю, что это мне подойдёт. Платье из тонкой шерсти. К платью я покупаю тонкий ободок в форме змейки и нежные белые цветочки два набора. Я сделаю из них венки ей на волосы, говорю я Вере, ведь она должна была выйти замуж. И Вера со мной соглашается, она вообще на всё согласна и смотрит на меня как-то пристально и несколько опасливо.

Потом мы находим и подходящие по тону чулки, и я очень рада, что всё будет как нужно, а ещё перчатки, про них тоже, кажется, говорили. Само собой и новую рубашку вниз тоже взяли. Более ничего не нужно, говорит мне Вера.

Мы возвращаемся домой. Там уже почти все разошлись, детей нет, только Таня и вторая моя Танюшка из 570 бывшая доставщица телеграмм тоже здесь. Они только что пришли из магазина, принесли гору продуктов. За продуктами ходили к метро, к Ирининой подруге завмагу. Ирина дала записку, и им отпустили весь необходимый дефицитный товар. Вот так, без знакомств никуда.

Мне это всё абсолютно безразлично. Я сажусь в комнате и начинаю делать венки, словно это сейчас самое главное в моей жизни, а Вера на кухне с девочками. Где Саша, я не знаю, но почему-то и не спрашиваю. Полная прострация.

Далее всё обрывками, мы с Сашей вероятно на следующий день на проспекте Мира, покупаем материал, чтобы было чем накрыть столы. Девочки посоветовали брать не скатерти, а шторный материал, он, мол, потом пригодится. Берём 12 метров голубого с чёрными полосами и белыми штрихами. Потом покупаем стаканы, целую упаковку 60 штук, тонкие с красными полосками. Это, мол, необходимо взять. Остальной разной посуды у нас хватает и соседи дали. Никто не знает, сколько будет народа, но, наверное, много. В доме постепенно прибывает людей, но я не сразу понимаю, кто они и зачем. Так я не сразу узнаю свою мать и свою первую свекровь, не могу понять когда и как они появились. Они плачут, а я не пойму почему.

Потом появляется Надежда с Сергеем. Много суеты, много шума, но мне всё равно, я в своём мире, я постоянно говорю с дочерью, а остальные мне не нужны, в том числе муж. И я по-прежнему ничего не ем, никакие уговоры не помогают.

Как проходят ночи, кто где спит - я не знаю. Я сижу в Ириной комнате у окна, постоянно курю и говорю, говорю, мысленно говорю с ней.

2 августа. Народу совсем много, дядя Юра с сыном, Нина с Ладыгиным, свекрови нет, а мне и не надо. Ирина и свекровь сидят дома с нашими детьми, но я опять не вспоминаю о них. Саша ходит, что-то делает, собирает, я не реагирую. Наконец он говорит, что нужно ехать. На мне чёрная юбка и чёрная водолазка, на голове чёрный кружевной шарф. Откуда это всё - я не знаю, когда я оделась тоже не знаю. Мы выходим, кто-то из бабок, которые крутятся у подъезда спрашивает у Саши во сколько привезут Иришку к дому прощаться, тут до меня доходит смысл вопроса и я кричу, да-да не говорю, а кричу «нет». Саша уводит меня в автобус, а Сергей что-то объясняет любопытным кумушкам. Понимая моё состояние, наши решают Иру к дому не привозить, ехать сразу на кладбище. Почему я так против? Мне тошно думать, что эти старухи, которые обзывали её заносчивой, а она была всего лишь близорукой, но не носила очки, только на работе одевала, которые постоянно мыли ей кости, будут рассматривать её, щупать одежду, рассуждать хорошо ли её снарядили и прочее. Я не могу делать её объектом сплетен. И мы едем. У морга нам нужно быть к часу, а на два назначен вынос тела, час на одевание.

Пока Сергей с Сашей относят одежду и оформляют бумаги, я брожу как неприкаянная по двору морга в напряжении и беспокойстве, потом иду к воротам. Напротив, у школы милиции останавливаются два автобуса Гостелерадио и оттуда начинают выходить холёные разодетые, накрашенные дамы и насупленные мужчины. Их много, около пятидесяти или более человек. Они идут стайками по двое-трое к воротам, а я пристально вглядываюсь в их лица.

Вижу одного парня с двумя девушками и двумя парнями чуть позади, и сразу бьёт словно током. Они подходят ближе, и я спрашиваю у него «ты», он понимает и отвечает «да, я, Андрей». Так вот он какой, человек, у которого она жила. С неё ростом, для мужчины невелик, светло-русые волосы, приятный, чёткие черты лица, очень правильные, глаза зелёные.

С этого момента я вцепляюсь в него, как тонущий в спасательный круг. Возможно, это неприлично, но я ничего не осознаю, мне важно быть рядом с человеком, с которым она была. У меня лихорадочное состояние, мне нужно что-то делать, но я не знаю что. Когда мы подходим, гроб уже стоит и в нём, в нём я вижу себя. Это моё лицо, это я, а не дочь. Главное это её сходство со мной увидели абсолютно все. То есть при жизни дочь была похожа на отца, а сейчас - это я.

Бабушка Клава, моя первая свекровь рыдает в голос, упав на гроб, мама стоит и жалко всхлипывает, Нина молча глотает слёзы, но временами злобно рычит на Ладыгина. Остальные

стоят по кругу. Несколько человек из радийных подходят попрощаться, они не поедут на кладбище и поминки. Произносят какие-то речи, а мне всё равно, я пожираю дочь глазами.

Потом нам говорят, что пора ехать. Странно, но у работников морга слёзы на глазах. На щеке у Иринки красное, вернее, багровое пятно, ближе к уху. А ещё, когда ветер пошевелил галстук, обёрнутый вокруг её шеи, я вижу кусочек шеи такого же багрового цвета. Через перчатки и чулки тоже просматривается тёмное. Много позже, на кладбище, когда с ней будем прощаться, пятен на щеке будет уже три, я пойму, что это поплыл грим, и что это не пятна, это всё тело у неё такого цвета, просто его сильно загримировали и оттого и платье просили закрытое.

На кладбище во время прощания многих пришлось откачивать, валились один за другим, в том числе и моя сестра. Нина билась о гроб и громко просила у Иринки прощения, а я безразлично думала, не травили бы, не пришлось каяться. Но именно безразлично, безо всякого злорадства! Могильщики забивавшие гроб, опускавшие его и засыпавшие могилу тоже почему-то плакали. Похоронили её у самого леса, на Щербинском кладбище. Место тихое, уютное и очень красивое. Я смотрела и думала: «Ты, дочка, любишь лес, вот он и пришёл к тебе». Когда мы шли по центральной аллее, то процессия из 75 человек выглядела внушительно и на нас все оглядывались. Я отмечала механически все эти мелочи. Ещё когда мы приехали, к Сергею подбежал суетливый мужичок, предлагая оркестр, но он сказал ему: «Ни в коем случае!». Знал, что я взбунтуюсь и никаких фотографов я не разрешила. Кому нужно - помните живой. У свекрови была с собой сумка, крайне тяжёлая. Что в ней - обнаружилось, когда стали закапывать гроб. Там был камень, который бережно опустили в могилу. Это оказался крестильный камень. Когда свекрови пришла телеграмма о горестной вести, то прежде, чем ехать на похороны, она пошла в церковь и объяснила всё батюшке, и что некрещёная и что самоубийца. Он взял на себя грех и окрестил камень, велел похоронить его вместе с внучкой. В руку Иринке она вложила крестик и молитву, а камень закопали вместе с ней. Под цветами и венками могилы было не видно.

Пока мы ехали на кладбище и на обратном пути, Андрей рассказывал мне, что произошло. Оказалось, что Иринке и Татьяне, её подруге, предлагали уволиться, ввиду того, что места понадобились для чьих-то «своих» деток. Таня согласилась сразу и уволилась, а Ира упёрлась: «Почему я должна увольняться?! Я же хорошо работаю, люблю свою работу, замечаний ко мне нет, нареканий тоже». В общем, упёрлась. Ей намекнули, что если не уйдёт по-хорошему, её «уйдут» по-плохому, а она не приняла угрозу всерьёз, ведь она действительно работала добросовестно. И стали разрабатывать план, как её выжить.

К несчастью, немалую роль в этом деле сыграл подаренный мною гарнитур из серебра. Точнее то, что моя дурёха, желая прихвастнуть перед подружками, сказала, что гарнитур подарил ей Андрей. Ну, неинтересно же, что мама, а тут парень и такое внимание. В принципе безвинная ложь, никому не приносящая вреда, сыграла на руку махинаторам.

Просто однажды в разговоре, одна из девочек подколола Андрея, что вот, мол, какие подарки ты Ирке даришь, неспроста, а на тот момент, она ещё только начинала с ним встречаться, ещё не жила с ним. На что он ответил, что ничего ей не дарил. Девочка это запомнила, и при случае пригодилось.

Одна из её подруг, бывшая, много старше её, чем-то крепко провинилась на работе, вплоть до возможности увольнения, но ей предложила начальник, что если она придумает на что можно поймать Иринку, то ей её проступок простят, а если нет, то уволят её. И она пошла на подлость. Почему на подлость? Потому что ранее, когда у неё случилась беда и погиб в командировке её жених, именно Иришка выводила её из тяжёлого состояния, дневала и ночевала у неё, пока та не пришла в себя. А она её «отблагодарила».

Она надавила на двух восемнадцатилетних девочек, Иру и Оксану, чем - я не знаю, заставив их участвовать в обмане. Одна должна была дать свои серьги, для того, чтобы Алла

подбросила их Ире, а вторая должна была сказать, что видела, как Ира заходила в отсутствие Оксаны в её аппаратную, и вообще, у неё Ира тоже увела серебряный гарнитур. Сказано - сделано.

В смену 27 июля, пока Ира отходила в курилку, Алла зашла к ней в аппаратную и подложила Ире в сумку маленькие серьги Оксаны. Потом стали ждать, каждая в своей аппаратной, возвращения Иры.

Ира вернулась, а через пять минут в её аппаратной появились три вышеупомянутые девочки с начальником, и с места в карьер потребовали, чтобы Ира вернула украденные серьги. Ничего не понимающая Иринка, сказала, что ничего ни у кого не брала, а Алла ехидно сказала, что Ира видела, как Иринка заходила в аппаратную к Оксане, когда та была на обеде. И на Иришкин недоуменный взгляд Ира промямлила, что да, видела. Вот мы сейчас и поищем, злорадно воскликнула Алла, а Иринка, уверенная, что у неё ничего нет, ответила: «Ищите!»

Пролазив по всем столам, Алла велела Ирине показать сумку. Иришка нервно схватила сумку и потрянула её содержимое на стол: «Да, пожалуйста!» И, естественно, когда стали перебирать содержимое, серьги, заранее подброшенные туда, нашлись. Ликующая Аллочка предъявила улику начальнику, а та сказала, что 29-го будет собрание, на котором коллектив разберёт Ирин поступок.

Так вот что угнетало мою дочь в тот день, когда она пришла ко мне, но так ничего и не рассказала. Бедная девочка, она видимо тогда всё для себя решила и приезжала со мной прощаться.

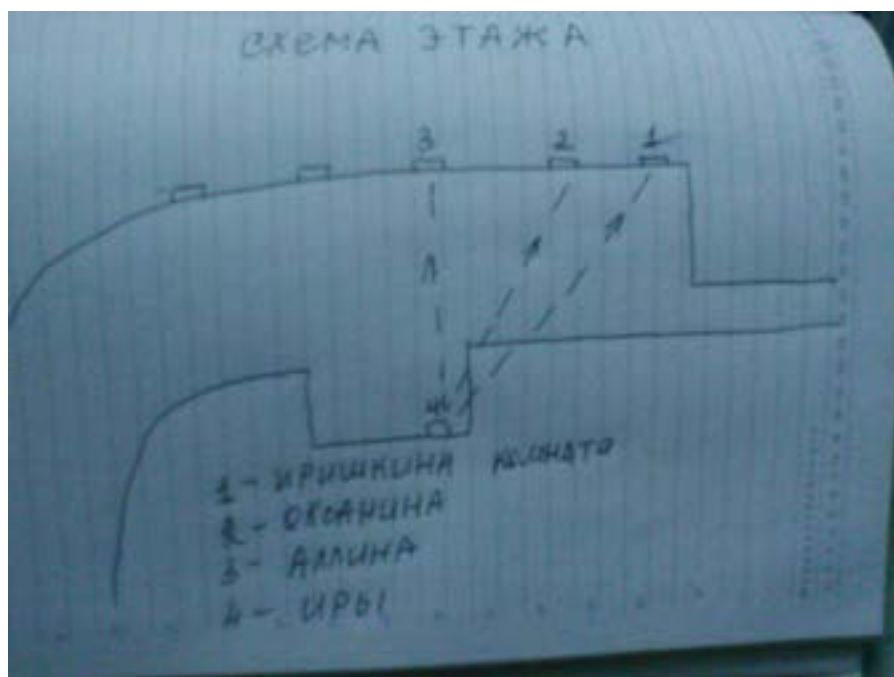
А 29-го утром они с Андреем шли на работу, когда она вдруг сказала: «Подожди, я хочу купить цветы». Зашла в магазин цветов и купила громадный букет роз. Он ещё сильно удивился, но промолчал. Когда они входили в здание, Ира попросила его: «Ты, как только освободишься - сразу зайди ко мне». И он ответил, что, конечно же, зайдет. Его работа заключалась в том, что он развозил катушки с магнитной лентой для записи по разным точкам. В 12 часов началось собрание, на котором, как потом рассказали ему девочки, Ира сидела бледная, с застывшим взглядом и крепко сжатыми губами, ни на какие вопросы и обвинения она не отвечала, ни на что не реагировала. И пока они все распинались - молча встала и, невзирая на крики «вернись» пошла к себе в аппаратную. Это было в 12:20. И никто не пошёл за ней, продолжая спорить и кричать. А она не закрыла дверь, оставила её распахнутой, может подсознательно надеясь на помощь? Написала две записки - для меня и для Славы Борецкого, отодвинула от окна неподъёмный стационарный магнитофон, потом, когда мы его увидим, не сможем понять, как она это осилила. Открыла окно и выпрыгнула с 10 этажа здания Гостелерадио на Новокузнецкой. Общая высота здания 54 метра, как я потом выяснила, высота с которой она прыгнула 50 метров, шансов остаться в живых никаких, но она умерла, не достигнув земли, разорвалось сердце.

В то время, когда она прыгнула, Андрей въехал с другой стороны в ворота. Когда он поднимался к ней, он не мог понять почему все лифты едут вниз и из них высыпает народ и сломя голову бежит на улицу. На этаже было пусто, войдя в её аппаратную, он увидел цветы в вазе, записки на столе и распахнутое окно, а выглянув в окно, увидел толпу и всё понял. Как я ни тупила, но его рассказ запомнился мне от слова до слова. На похоронах присутствовали две из этих девочек - Оксана и Ира, Аллы не было. Когда приехали домой, все, помыв руки, пошли к столу. Столы, шесть штук стояли в два ряда, со скамейками, принесёнными из ДЭЗа, девочки постарались и всё приготовили. Первыми к столу сели 50 человек с Гостелерадио. Мои родные, их было человек 25, ютились пока по двум комнатам и на кухне. Они расселись, и я обратилась к ним.

- Я не буду проклинать вас. То, что вы сделали, итак падёт на ваши головы. Я только хочу сказать, что даже если бы, я повторяю, «если бы», моя дочь оказалась воровкой, вы не имели

права исполнять ни функции следователей и сыщиков, ни функции судей и прокуроров. Никто не давал вам права на обыск, нужно было вызвать милицию, если возникло подозрение, никто не давал вам право устраивать собрание-судилище. Вы довели человека до самоубийства и даже не пошли за ней, чтобы остановить и предотвратить. Вы убили две жизни: её и не рождённого ею ребёнка. Всё, о чём я вас прошу - будьте впредь внимательней к людям, не убивайте их.

И, не в силах ни смотреть на них более, ни говорить, я ушла на балкон. А они пили, ели, что-то постепенно говоря всё громче и громче. Разошлись не ранее чем через час, основательно заправившись спиртным. И только когда они ушли, за стол сели измученные «свои». Было тихо только слёзы и вздохи. А на улице из арки слышался крик. Как мы узнали потом, об этом месяц судачили у всех подъездов, Госкомитетская публика передралась и переругалась возле подъезда, обвиняя друг друга и кляня почём зря. Вот вам и приличные люди, большинство высокообразованные, но абсолютно бессовестные и беспардонные. Правда, ещё до ухода они успели сказать мне, что я должна привезти им счёт с кладбища и из морга, они оплатят все расходы, а я взяла с них слово, что мне разрешать побывать в Ириной аппаратной.

Глава 48. Тьма не рассеивается...

Начинаю терять часть событий, пропускать, но это простительно, состояние в эти дни - словно опять опрокидываюсь в прошлое и спешу пройти эту трудную пору. На девяти днях

случились ещё примечательные события. Я первый раз с момента гибели дочери притронулась к еде и с этого дня, когда не забуду, буду есть. Саша, в ответ на вопросы родных рассказал некоторые подробности нашего похода к следователю, в частности рассказал об акте вскрытия то, что в Иришке после падения не осталось во всём скелете ни одной целой косточки. Кажется, самое большее впечатление, хотя вряд ли он тогда всё понял, но запомнил на всю жизнь, это произвело на Ваню, которому нет ещё четырех лет. Когда мы стояли, курили на балконе, я увидела Наташу. Это Женина девушка, с которой он уже почти год встречался, и о которой Иришка сказала, что у Жени хороший вкус, симпатичная и скромная девочка. Она стояла внизу возле арки и с ужасом смотрела на наш балкон, увидев меня в чёрном, наверное, гадала, что и с кем случилось. Ну, наши гуляющие старушки её просветили, а я испугалась, что теперь она напишет Жене и как напишет, а главное, как он воспримет. Только теперь я вспомнила о Жене. На следующий день я написала ему в очень аккуратных, подводящих к беде постепенно, выражениях и отправила письмо.

Теперь мой распорядок дня: с утра встала, накрасилась и еду на кладбище, как на работу, оттуда напрямиком к Анохиным, часами сижу, пересматривая один ужастик за другим, и вскоре я заранее знаю, кто погибнет, кто спасётся. Ни море крови, ни дикие вопли, ни орудия убийства на меня не действуют.

Потом я начинаю замечать, что Анята, Андреева мать начинает на меня коситься и проявлять раздражение. Значит, какая-то мысль или какие-то чувства начинают доходить до моего сознания.

Дни однообразны, но что-то во мне меняется. Я словно бы вижу себя со стороны и начинаю осознавать, что со мной явно не всё в порядке, всё чаще и чаще в голову лезут мысли о самоубийстве, и я только ищу внутри себя способы.

Вот тут я, кажется, испугалась. Испугалась своего состояния. Крашусь я автоматом, словно выполняя волю Иришки, а всё остальное меня словно бы и не касается, это, наверное, ненормально.

И я собираюсь, и еду в Психоневрологический диспансер к врачу суицидологу. Нет, не зря говорят, что психиатры, от общения с пациентами становятся не от мира сего. Врач, к которой я попала, черноволосая, претенциозно разодетая и ярко накрашенная особа с ногтями по сантиметров пять, грубым прокуренным басом и крайне вульгарными манерами. Она не столько слушает мой лепет, сколько разглагольствует сама и отнюдь не по теме интересующей и волнующей меня, а о мужчинах, об адюльтере и прочем. Потом, словно опомнилась, пишет какую-то бумаженцию и небрежно подаёт её мне, походите в наш стационар, там вам станет легче. Её поза нога на ногу, жестикуляция рваными жемами, при этом нисколько не меняются.

Спускаюсь вниз к стационару, меня регистрируют и велют приезжать завтра к девяти утра. Я буду у них находиться с 9 утра до 19 вечера, а ночевать дома.

На следующий день еду. Встретили, показали где раздеться и велели пройти в процедурной. Здесь всыпали в руку горсть таблеток: две реланиума, две тазепама, две амитриприлина, одну витамин.

Смотрю на это ошалевшими глазами, спрашиваю:

- Это в течение дня?

- Нет, это сейчас и при мне, а позже ещё.

- А зачем?

- Вам положено лечиться, а не задавать вопросы.

С опаской выпиваю. После этого мне говорят, что я должна пройти в столовую, а потом на трудотерапию. Контингент явно сильно психические больные, но приглушённые таблетками, вяжутся с расспросами, ненужными разговорами. В кабинете трудотерапии необходимо сворачивать экскурсионные проспекты определённым образом, но у меня сильно нарушена координация движений, меркнет зрение, а в голове одна мысль - прилечь. Может быть для публики, которая там лечится, это нормальная доза препаратов, но для меня она оглушающая. Мне очень плохо и я ищу врача, чтобы сказать о своём состоянии. Ищу и никого не нахожу, зато вижу раздевалку. Я захожу в неё и одеваюсь, а потом иду на выход. Мне никто не препятствует.

Я выхожу на улицу и на автопилоте иду к остановке, при этом про себя твержу: «только не сесть на 163, только не сесть...» На остановке от меня люди отходят в сторонку. Когда подходит автобус, я лезу в него. Это именно 163, который кружит долго по Черёмушкам, прежде чем выезжает к метро. По дороге я чувствую, что меня, кажется, сейчас вырвет и вскоре возле меня, в переполненном автобусе абсолютно свободный большой пятак. То ли я выгляжу сильно пьяной, то ли что, мне со стороны не видно. Через 40 минут мы у метро, но не с нужной мне стороны. К моему входу нужно либо спуститься на Каховскую и там перейти на Севастопольскую, либо перейти две дороги и стоянку автобусов сверху. Видимо, плохо соображая, я выбираю второй вариант. Говорят же, пьяных Господь бережёт, видимо, и он принял меня за пьяную и позволил пройти везде по краю пропасти. Все машины успевали затормозить, а на кручение у виска я не реагировала. Мысль одна - дойти до кровати и лечь спать. И я добралась в метро. Меня осмотрел и обнюхал милиционер и, убедившись, что от меня не пахнет, пропустил. По дороге от метро до дома я твердила: «Сейчас приду домой и всё расскажу Саше». Я пришла, он моего прихода так рано не ждал, я же говорила, что до вечера и спросил, что случилось, я ответила: «я сейчас...» и замолчала. Он ждал - ждал и пошёл смотреть, а увидел меня спящей прямо поперёк кровати в одежде. Кое-как раздев, приговаривая: «где ж ты так наклюкалась», он уложил меня на кровать и прикрыл одеялом. А в шесть вечера позвонили из стационара, хватились, что у них больная пропала. Саша позвал меня к телефону. В трубке стали на меня кричать, на что я тоже не выдержала и закричала, чтобы они забыли обо мне навсегда, я не чокнутая и не подопытный кролик, чтобы травить меня такими дозами транквилизаторов и что я вообще на них в Минздрав телегу накатаю. На следующий день оттуда приехал врач, мы с ним побеседовали, он извинился, сказал, что примет меры, назначил мне пару успокоительных и укрепляющих препаратов в нормальной дозировке и просил только не писать жалоб. Более я никуда не ходила за помощью, решив справляться сама. Тем более скоро на работу выходить. А через три дня приехал Женя и прямо с дороги попросил свозить его на кладбище. Мальчики уже тоже были дома, и я потихоньку привыкала снова справляться с обычными делами.

Мы взяли с собой Ваню и поехали втроём, а на кладбище, когда Женька еле сдерживая слёзы, стоял у могилы, Ванечка вдруг выдал: «А давайте её откопаем. Правда, у нее все-все косточки сломаны, но мы их склеим. Я Ирочку хочу видеть». У Женьки началась истерика, и я никак не могла его успокоить. Он всё повторял: «я хотел её комнату занять, я всё хотел, чтобы она ушла, вот и ушла совсем. Я этого не хотел». Я гладила его по волосам и приговаривала: «сынок, ты не виноват, никто из нас этого не хотел».

Глава 49. Жизнь нужно продолжать, но где брать силы?!

Частично я пришла в себя и видимо машинально, автоматически выполняю всё, что необходимо делать для ухода за детьми. Но в том и беда, что только для ухода. Эмоционально я не с ними. Ездить к Анохиным я прекратила, хоть это благо, но на кладбище каждые три дня еду упорно.

Вот незаметно подошло и первое сентября, а значит, провожаем в школу Вову. В этом году мы идём в другую школу. Точнее это наша же школа, только теперь она в новом здании, чуть дальше прежней, нужно пройти через сквер и номер у неё стал не 859 а 1173. А учителя всё те же, вот только директор сменился, старая вышла на заслуженную пенсию, всё-таки 70 лет.

Но Володиному классу достаётся учительница не из нашей школы, она переехала в Чертаново из центра недавно, после развода с мужем и теперь пришла работать в нашу школу. Видимо это обстоятельство её личной жизни скажется и на моем ребёнке и на других детях и итогом будет её увольнение, но пока мы этого не предвидим.

Володю пошли провожать только я, Женя и Ванечка, Саша уехал на работу, хотя двух первых мы всегда провожали вместе.

Ильмира Сабировна, так зовут нашу учительницу. На первом же собрании она произведёт впечатление неуравновешенной нервической особы. Возраст её за пятьдесят. Сначала я думала, что опытный педагог это хорошо, но опыт оказался своеобразным. Проводив Володю в школу, а Ванечку в садик, я иду на работу. До 12 часов, потом нужно идти за Володей.

На почте мне сразу становится некомфортно, мне действуют на нервы все звуки, гул голосов, обращения ко мне сотрудников. Я не могу ни на чём сосредоточиться, подолгу смотрю на каждый бланк и не понимаю, что мне нужно с ним делать. В общем, работник из меня никакой и я ясно это понимаю, поэтому встаю и ухожу курить в комнату отдыха. Следом приходит Ирина и спрашивает:

- Плохо?

- Очень - отвечаю я, - знаешь, я лучше уволюсь, не могу... Не могу видеть людей, не могу общаться, не могу работать... Отпусти меня, Ир, я уже не работник.

- Ну, подожди, не горячись, приходи просто. Посиди хоть здесь, хоть на месте, главное тебе нельзя быть одной

- Нет, Ир, мне нельзя быть с людьми, видимо, перебор был в общении. Сейчас я видеть никого не могу, боюсь вообще людей возненавидеть.

- Вер, это пройдет, ну давай ты ещё недельку-другую отдохнешь, придёшь в себя, а потом выйдешь.

- А работу кто делать будет и потом кто знает, сколько времени это продлится? Нет Ириш, отпускай меня с миром бери работника, а я, пас...

И она поняла, поняла и подписала мне увольнение без отработки. Заявление отправили в узел, а сама я съезжу за трудовой много-много позже, когда она понадобится.

Сейчас мне не до неё.

Забрав Володю из школы, мы идём с ним домой. Он что-то возбуждённо рассказывает, а я, отделиваясь междометиями, абсолютно не слушаю его. Раньше в этот день мы готовили детям угощение, вели их куда-то, в общем, устраивали маленький праздник. Каюсь, у Володи не было ничего этого, я даже не вспомнила об этом. Накормила обедом и отпустила гулять. То есть я стала не матерью, а ходячим роботом.

Дальнейшие дни я с радостью выпроваживала всех из дома, а сама наслаждалась тишиной и беседой с дочерью. Если мне нужно было куда-то отойти, я обращалась к ней, прости дочка, я сбегаю в магазин, я быстро, ты побудь пока одна; а вернувшись, прямо с порога объявляла, Ирочка, я уже пришла.

Может, таким образом, я пыталась загладить вину молодых годов, когда пренебрежительно относилась к ребёнку? Не знаю.

Но теперь сознаю, что моё поведение того времени было похоже скорее на тихое помешательство. Девочки забегали теперь реже и видимо видели, что я не выражаю радости от их визитов и общения, а наоборот тягочусь ими. Постепенно они отошли от меня.

На 40 дней снова приехали все. На сей раз всё готовила я сама и как не стыдно признаться, но это заметили. Все сказали, что вот теперь они чувствуют вкус еды настоящей. Хозяйка вернулась в дом. Если бы они знали, что не я вернулась, а просто навыки сработали. Женя привёз из Астрахани три огромнейших арбуза, я никогда не думала, что такие бывают. Одного арбуза за глаза хватило на 30 человек, столько народу собралось помянуть её.

Говорили с дядей Юрой, теперь он рискнул со мной заговорить, два первых раза очень опасался, видя моё состояние. Тогда-то я и узнала, что не было у него никакой обиды на меня после смерти тети Ирочки, и никакого моего письма он не получал. Выходит мать не отправила

письмо, а меня обманула и придумала дяди Юрину обиду. Мне было непонятно, зачем и в тоже время, если бы я узнала это ранее, то выговорила бы ей, а сейчас отнеслась равнодушно.

Я говорила с людьми, беспокоилась об их комфорте, но сама не садилась к столу и втайне мечтала только о том, чтобы они поскорее разошлись. Саша выпивал, но мне было тоже безразлично.

Помню Мария Васильевна говорила, что после 40 дней легчает, ничего этого со мной не произошло.

Когда все, наконец, разошлись и уехали, я уложила своих спать и одна на кухне мыла посуду и вновь общалась с дочкой, центром моего мироздания на тот момент. Два раза она спасла меня от беды. Я знаю, что это была она. Первый раз мне необходимо было куда-то ехать, не могу вспомнить куда. Я проводила всех и стала собираться. Ощущение такое, что меня не пускают. Я стала говорить с дочкой, объяснять ей, что это необходимо. Почувствовала, что мне не препятствуют, и пошла, обещав быть скоро. Идти нужно было на метро, я прошла в арку, потом по дорожке метров пятьдесят и у меня появилось ощущение, что я упираюсь в стену и не могу пройти дальше. Стою столбом, мимо идут люди, а я пройти не могу. Постояла и повернула назад. Назад препятствия нет. Вернулась домой, а вечером сообщение в новостях авария в метро на нашей ветке, есть пострадавшие, один погибший. По времени точно тот поезд, на который я шла. Второй раз пошла в магазин, и такое повторилось в другом месте. Снова повернула и сзади треск и грохот, обернулась, на дорогу рухнуло дерево.

Вот так дважды избежала беды. Иришка родилась в 67-й году, на 67-й день с её смерти, я сидела днём и перебирала выкройки, нужно было что-то сшить для Ванечки, и в один момент я рухнула на кровать и просто уснула, словно вырубил выключатель Сон: Берег моря, песок из цветных прозрачных шариков, солнце ослепляет, слегка склоняясь к закату. Я иду по берегу и вижу впереди Иришку. Она играет большими светящимися переливающимися кубами, они как мыльные пузыри, но квадратные. Она подбрасывает их вверх и ловит, при этом весело заливисто смеётся, я хочу побежать к ней, но словно стекло отгораживает место, где она находится. Она оборачивается, смотрит на меня и говорит: «Мам, мне хорошо, я счастлива. Mam ты свободна, ты теперь свободна, не мучайся, помни мне хорошо!»

И я проснулась. Мне стало как-то по-другому, я начала слышать звуки, ощущать себя и видеть окружающее. Всего проспала я минут десять, а впечатление было, что часов пять не меньше. С этого дня я начала реагировать на детей, правда желание общаться с людьми не вернулось, но хотя бы детей начала видеть и слышать и они восприняли духом, мама будто бы вернулась.

Саша всё это время пытался оживить меня любовью, но у меня непонятное отвращение к самому действию, а он полагает, что к нему. Я пытаюсь, как могу объяснить, но он не верит. Сейчас, когда чувства вернулись в этом отношении ничего не изменилось, я делаю вид, что всё нормально, а сама с нетерпением жду, чтобы он оставил меня в покое и видимо, в какой-то из моментов, он это наконец-то понял. Что-то с психикой, но после того случая я не рискую идти к психиатру или психологу. Я больше не доверяю этим специалистам. Однажды, то ли с целью проверить меня, то ли ещё почему, он говорит, съезди к Витальке, попроси его с тобой переспать, чтобы ты снова родила девочку, Иришку. Я говорю, что он, наверное, сошёл с ума, во-первых для меня это противно, во-вторых второй раз так карта не ляжет, полной замены не будет, в третьих мне уже сорок лет, а значит, здорового ребёнка я не выношу. Он упорно не раз возвращался к этим уговорам, с тем же результатом. Так и живём теперь, каждый в своём мире. Бумаги свои я забрала из сейфа с работы и спрятала дома. У него уже начинался период озлобления и желания выпить. И он стал всюду лазить, всё переключивать, переставлять, вроде занят делом. В итоге на антресоли он найдёт эти документы и уничтожит их. Но я об этом узнаю

позже. А пока он снова начнёт выпивать, то есть наши спокойные, счастливые годы идут к закату. Пока выпивки редкие раз в две недели, но они уже есть.

Глава 50. Жизнь без радости, по обязанности.

В конце сентября позвонила Ирина, позвала выйти на лавочку на бугре, поговорить нужно.

С одной стороны идти не хочется, с другой человек просит. Пошла. У нас с ней заветная лавочка, сзади спортивной площадки подальше от подъездных кумушек. Я сначала полагала, что Ирина снова станет звать вернуться на почту, но оказалось она по личным делам. У неё подруга ещё школьная была, у этой подруги старший брат. Этот брат ещё в школе за Ириной ухаживал и так и не женился. А сама Ирина только в прошлом году развелась с мужем и разменяла жильё, вернее отдала ему комнату своей бабушки на Ленинском, доставшуюся по наследству, чтобы отселить его, выписать. Вот ей сейчас нужен был совет. Сын у неё одноклассник Иринки, уже взрослый, работает на скорой и семью заводить собрался, а ей Алексей, брат подруги предложение сделал, выходить за него замуж, вот она и пришла спросить совета, как ей поступить и как с сыном быть. Я ей и сказала, Ирка не упускай своего счастья, дело к старости идёт, а не к молодости, сын самостоятельный, поймет всё правильно, мать же тоже живой человек, а оставаться одной и потом себя клясть? Конечно, решать тебе, но нужно не к подругам за советом идти, а с сыном напрямую откровенно поговорить и делать, как сердце подсказывает. А она отвечает, мне и нужен был этот разговор, для того, чтобы увереннее себя почувствовать, верно я думаю или нет. Теперь понимаю, что мыслю верно. Так ещё немного о разном поговорили, спросила нужна ли мне помощь, я ответила, что справляюсь, и разошлись.

Этот случай, как ни странно, казалось бы, незначительный, поддержал меня, словно бы показав, что я ещё кому-то нужна, а это видимо самое основное в моей самооценке, чувствовать свою нужность, тогда у меня цель появляется, и смысл жизни обретается. В общем спасибо ей громадное.

В октябре, в очередные выходные устроив банный день, я обнаружила у Вовы на спине множественные застарелые и новые синяки, маленькие и глубокие вмятины. Я спросила у него, в

чём дело и он сказал, что девочка с задней парты постоянно тычет его в спину ручкой, стержень и оставляет вмятины и синяки от удара, она с силой бьёт. Я спросила: «за что?», а он ответил: «просто так привязывается, я её не трогаю». Теперь я поняла откуда на Володиных рубашках полосы, начерканные шариковой ручкой. Ведь видела при стирках, а так ни разу и не спросила. Всё мимо сознания проходило. Насколько же я не в себе была.

На понедельник как раз собрание было назначено, до этого я на собрания не ходила, игнорировала их, как и всё прочее. А тут и записи учительницы в дневнике о том, что мой сын самовольно встаёт на уроке и стоит в стороне от парты, не желая садиться, и чтобы я приняла к нему меры, обратили на себя моё внимание.

На собрание я пошла с детьми, Саша с работы задерживался, а оставлять их одних дома я не рискнула. Поэтому посадила их в коридоре ждать маму, а сама пошла в класс. Когда учительница дошла до меня и стала выговаривать мне за поведение сына, я спросила её «а вы хоть раз поинтересовались почему он так делает?», на что получила ответ: «да потому, что он у вас психически больной». То есть она ему перед всеми родителями диагноз поставила.

Я молча встала, подошла к двери и позвала Володю. Прямо здесь перед всеми, стоя у доски я повернула сына спиной ко всем и подняла его рубашку, демонстрируя его истыканную спину «вы смогли ли спокойно сидеть, если бы вам так увечили спину» - спросила я. Одна из мам ответила: «да я бы морду обидчику разбила». Ну, а мой сын драться, тем более с девочками не приучен. Учительница вся покраснела, родители шумели возмущённо, а я поправила одежду на сыне и вывела его в коридор, ждите, мол, меня.

Разговор теперь пошёл серьёзный и многие стали не выслушивать претензии учителя, а высказывать ей свои, а я просто попросила рассадить этих детей на другие места, но все стали возражать, что не хотят, чтобы подобный ребёнок, с агрессивными наклонностями сидел сзади их ребёнка.

Потом встала мама этой девочки, очень за неё извинялась, сказала, что она и дома неуправляемая, и заплакала. А другая мама предложила выход, посадить девочку на первую парту, чтобы впереди никого не было, и все с этим согласились. В общем, сообща разобрались и нашли выход и всё это без злобы, объективно и с желанием помочь. Вот только учительница этого не поняла и затаила против меня крепкую обиду и против ещё нескольких родителей. Ведь ей указали на её ошибки, а она себя непогрешимой считала. А с мамой этой девочки мы вместе шли домой, и я просила её не ругать и не наказывать ребенка, а она ответила, что, конечно же, потому, что девочка итак забита отцом и свекровью и потому, наверное, такая агрессивная. В общем, в каждом доме по кому, дети не виноваты в своих поступках, всегда есть причина их поведения, а этой девчужки добра и тепла явно не хватало. Я вспомнила, что ещё ранее видела их на детской площадке, где эта девочка также агрессивно вела себя с другими детьми. Дома у нас рядом и площадка одна.

Хорошо хоть у Ванечки в садике всё хорошо и без эксцессов было. Он, как и старший брат, был всеобщим любимцем и подъезда и двора и всего дома. В саду его тоже любили, миролюбивый, покладистый сообразительный. Он ведь у меня к этому времени уже читал вовсю, причём самой-то мне не до него в беде своей, а буквы мы с ним до беды изучали по кубикам. Так он самостоятельно научился их в слоги объединять, только про мягкий и твёрдый знаки объяснять пришлось, а гласные и согласные сам сообразил соединить. И потом читать начал, всё подряд, где буквы видел...

Так что с ним легко было. Он, как и я, никогда не знал такого понятия, как скука, в отличие от Володи, который постоянно требовал внимания и изнывал, мне скучно. Теперь я следила, чтобы он сделал уроки, прежде чем бежать на улицу, куда он постоянно рвался к друзьям-

приятелям. Вот только не проверяла, как он их сделал. Всё-таки ещё впадала в прострацию и безразличие.

И ещё одного не заметила, проглядела, что сын стал у меня сигареты потаскивать, покуривать с дружками. Я же не считала, сколько сигарет оставалось в пачке, и не помнила, сколько выкурила.

Дни рождения и мой, и Ванин прошли неотмеченными, словно забыла о них и радоваться чему-либо сил не было.

Саша всё чаще приходил с работы поздно и всё чаще немного пьяненьким. У них, в связи со всеобщим дефицитом, открыли на территории магазин. Предприятие оборонки, вот начальство и старалось, хоть чем работников снабдить. А он подрядился после работы в этом магазине на черных работах помогать, мол, приработок и продукты получает вне очереди, разве нам плохо?

Оно и неплохо бы, только вскоре и приработок и часть, а потом и вся зарплата начнут таять на пропой души. Сначала оправдывал тем, что усталость снимает, таким образом, а потом и вовсе без оправданий обходиться стал, много чести.

А я стала подумывать о том, что мне не мешало бы найти какое-то занятие. Слишком много времени свободного остаётся, я ж во всём быстрая, спорая была, и свободное время меня только в раздумья погружало и от жизни уводило, значит в ущерб вниманию к детям. Нужно было это исправлять, да и деньги лишними никогда не бывают, расходов не счесть.

Нашла в Вечёрке объявление, что требуются надомные работницы, ручные вязальщицы и пошла по нему оформляться на работу. Вот тогда и книжку трудовую со старой работы забрала.

Взяли меня и направили на занятия. Я сначала не поняла, какие занятия, если я вязать умею, ан нет, не зарекайся, что знаешь и умеешь всё. Таким приёмам и хитростям научили, о которых я ранее не подозревала, а частично уже применяла, только в машинном вязании, а они и в ручном годятся. Поистине век живи, век учишься. Потом уже выдали пряжу, объяснили как с ней обращаться, как хранить, чтобы не пересыхала и вес не теряла, как мусор образующийся при перемотке собирать и потом сдавать, он ведь в общий вес входит и в итоге, если выбрасывать недостачу в весе с тебя вычтут. В общем, всюду есть свои хитрости. Но как всегда не до конца продуманные, потому, что находились ловкачи, которые к этому мусору свой подсыпали, щепочки мельенькие, песочек, вес нагоняли, а пряжи излишек образовывался, его себе, налево. Или пряжу на досочке на ведре с водой держали, чтобы влаги набиралась, тяжелела, тоже избыток себе. Весы на приёмке чувствительные электронные, миллиграммы учитывают. А вот таких ловкаческих уловок не предусматривают.

Взяли из ровницы, из козьей шерсти, комплект шапочку с шарфом. По первому времени я за месяц 12-15 комплектов вывязывала, а после руку набила до 28 догнала, то есть к комплекту в день и время на сшивание и сборку шапочки. Заработок неплохой стала получать, больше мужа. Но это со временем.

Вот работая с этой ровницей и заработала я себе постепенно хронические бронхиты, до шести раз в год, то есть полтора месяца кхекаю, две недели отдыхаю и по новой. Шерсти наелась от души, все лёгкие ею забила.

Вот так и жила, без радости, по надобности. Незаметно кончился страшный 88 и наступил Новый, 89. Просто нарядила детям ёлочку, сводила на ёлки, купила подарки и всё.

Мимо, мимо, мимо все радости и праздники, не до них, словно кощунство их праздновать. Значит, не до конца освободилась-то.

Глава 51.

Наверное,
излишне
не
торопилась,
Ужасные
моменты
проскочить,
И
важное
невольно
упустилось,
Приходится
мне
вспять
поворотить
...
А
после
вновь

**продв
инуть
ся
вперё
д,
К
тому,
что
нас за
гориз
онтом
ждёт...**

Да, действительно упустила важные моменты. 17 сентября, в день Иришкиного рождения приехала на кладбище пораньше, скоро должна была подъехать первая свекровь. Несмотря на большие расстояния, 88 километров до Москвы, 15 от деревни, да по Москве и снова в Подмоскowie, больной человек упорно едет к внучке. Пришла я на могилку и выронила из рук всё, что принесла. Могила разорена, да так, как врагу злomu не пожелаешь. Всё разбросано, размётано по округе. Собаки бродячие? Можно было бы так решить, да не выходит, потому что на могилу высыпана гора мусора и большая куча окурков, пробок от бутылок и самих бутылок, только битых.

Большей подлости просто не вообразить! И кто мог совершить такую гадость? С болью и недоумением взялась за уборку, благо у нас уже скамейка с ящиком поставлены, друзья и соседи позаботились, соорудили, сварили. И инструмент весь имеется. Более двух часов ушло на уборку и приведение в порядок размётанного и растоптанного холмика. Врагу злomu не пожелаю такое пережить.

Хорошо хоть свекровь приехала, когда я закончила уборку, иначе она там же с сердцем, глядишь и свалилась бы. А так только удивилась, что цветов мало лежит, но я сказала, сильно увяли все, пришлось выбросить. Выходит, соврала, но во благо, а она только удивилась, что вроде дождей не было, а земля свежей выглядит, а я опять обманула, наверное, под цветами не сохла.

Иногда приходится на обман идти, во благо, а душа при этом корчится, как на огне. Посидели с ней, с Иришкой поговорили, о житье-бытье рассказали, словно живой, а потом к дому двигаться собрались, точнее я к дому, она на транспорт к себе. Заехать отказалась, а то итак, говорит, домой поздно попаду. По аллее главной идём, а навстречу Надежда и мать, тоже приехали в день рождения... Я рада, что и они этого страха не увидели. Видимо наитие меня в тот день на первый автобус толкнуло.

Приехала домой, там Танюшка-почтальон сидит, я ей всё как есть рассказала, она в шоке, кому же в голову такое пришло?

Гадали, гадали, нет ответа. Вечером Саша пришёл, трезвый. Я ему после ужина, когда уже детки ко сну готовиться начали и нас не слышали, в ванной были, всё и рассказала. А он, отчего-то сразу сказал: «Анохины». Я поинтересовалась, почему они ему на ум пришли? А он отвечает, был я у них, сильно они на нас злятся из-за того, что всё попрягать пришлось, и Андрею неприятности грозят. Вот ведь, я туда ездить прекратила, а он побывал. Опять хотел Иришкины вещи забрать, а его грубо послали.

Тут я и совершила плохой поступок. Дети спать улеглись, а я Анохиным позвонила. У них окна выходят на соседний дом. Если смотреть в темноте, то там три дерева стоят и скамья под

ними, а свет от подъезда того дома рассеянный и создаётся впечатление, что под деревом светлая фигура стоит. Я этот эффект много раз наблюдала, когда курила у них и бездумно в окно пялилась.

Вот я позвонила, подошла мать Анюта. Я ей тихим голосом, почти полушёпотом хриплым говорю: «Мам, - её Иришка так звала, - мам, зачем вы это сделали? Чем я перед вами провинилась? Посмотри в окно, я стою недалеко, ответь мне только, зачем?» Тут в трубке раздался сдавленный крик и потом слышу только, как трубка стучит потихоньку, видимо выронили её, она на проводе качается и по тумбочке постукивает. Может в обморок рухнула, не знаю.

А я трубку положила и говорю: «точно, они!»

И ведь больше ни одного раза могила наша не была испохаблена и разорена, значит, Саша верно виновных указал, тоже почувствовал сердцем. На следующий день, напекла я с утра пораньше вафель, встретила Вову из школы, гулять отпустила, говорю: «вернись, будешь уроки делать, а пока погуляй». А сама упаковалась и поехала в театр. Хоть и не было никого из них на похоронах, но я от неё гостинец решила отвезти, чтобы помянули добром. А уже в театре, сидя с девочками осветителями и оформителями сцены, узнала, что театр на гастролях был, оттого и не было никого от них. Буквально 8 сентября вернулись и только тогда узнали, а вчера, в её день рождения в обед трое Женя Дворжецкий, Леша Весёлкин, а третье имя забыла, ездили к ней на кладбище.

Представила я себе, если бы они к разорённой могиле приехали, что о нас подумали бы, чуть плохо мне не стало. Вот ведь помнили её на старой работе, любили и не верили плохим словам о ней. Ждали всё, что она на предложение Бородина перейти к ним звукорежиссёром согласится, да вот как оно вышло.

А ещё Валя, почтальон наша, у неё за год до этого сын 12 -летний утонул и я тогда ей, как Танюшке своей с бедой справиться помогала, не забыла моего поступка. Приехали с мужем и привезли плиту из белого мрамора, чтобы мы могли Иришке памятник соорудить. Спросила, есть ли кому надпись сделать? Я ответила, что в мастерскую нужно будет отдавать, а она сказала, ты мне текст дай, я сама выбью, я умею. И сделала всё как нужно. Вот о таком важном поступке, за который очень благодарна, тоже рассказать забыла, но исправилась.

Вообще низкий поклон всем-всем, кто нам тогда помогал и заботился о нас. Я всех их помню и люблю.

Ну, вот и дальше поедём...

1989 уже весьма проблематичный год. Начался он с того, что 5 января Нину прямо с работы, сестру Сашину, если забыли, отвезли на скорой в больницу с инфарктом. Как оказалось она до этого два микроинфаркта на ногах перенесла, один, когда о гибели Иришки узнала, второй в октябре, когда зарплату срезали получила. А теперь обширный случился. Полтора месяца в больнице, потом два в санатории и на группу. Это тоже для неё ударом было. Привыкла пахать, как лошадь, а тут выбили из колеи. Так, наверное, у нас у всех было.

А в магазинах продукты вообще исчезать всё больше и больше стали, теперь десять магазинов обежишь, в десяти очередях постоишь, по цепочке передаёшь, где что выбросили, как тогда говорили, и в десяти местах по этим очередям взад вперёд носишься, чтобы не упустить. А тем, кто вечером с работы идёт уже и не достаётся ничего, шаром в магазинах покати.

Впервые москвичи с такой проблемой столкнулись и злые стали, прямо озверевшие. Детей-то кормить нужно, а чем. И электрички и автобусы загородные «колбасные» уже в Москву не тянутся, тоже просекли, что в Москве пусто стало.

Что выручало? Воровство. Тут уже не до морали стало, продавец ли знакомый, работник ли мясокомбината или кто. Несёт килограммами и в его квартиру все тянутся, приобретать. В магазине одни кости, да жир, а тут мясо. Наварганишь детям гору котлет, уже не до деликатесов. Москва, овощей на рынок не набегаешься покупать, денег не хватает, свои не растут, а в магазине, капуста осклизлая, вонючая, морковь и свекла вялые загнутые или порченные, тебе в лицо бросают: «не хочешь, не бери».

Макароны и крупы тоже пропадают. В общем голодом запахло сильно. Оттого и рад, если хоть ворованного приобретёшь. Два раза в месяц я езжу работу сдавать и получать сырьё новое. А участок, куда ехать нужно, не ближний свет. До метро Домодедовская доехать, а оттуда ещё четыре остановки на автобусе вглубь квартала. Возить сумки раскоряки неудобно, за всех в транспорте цепляешься, сто благодарностей в спину получаешь. Пришлось сумку старушечью на колёсиках приобретать, всё удобнее за собой возить. Вот оттуда, считай через всю Москву я дважды пёрла ящики неподъёмные, тридцатикилограммовые, чуть колёса у коляски не сломала. Но оно того стоило. Из Америки помощь гуманитарная, а там чего только нет. Видно, что с любовью люди продукты собирали. И про детей не забыли. Мне, как многодетной, хотя ведь и Иринки уже нет, и Жене скоро из подросткового возраста выходить, а не снимают с учёта, выдавали ещё пару раз в ДЭЗе и в Собесе посылки, из Германии. Так что этим считай и спасались, а многие запомнили, кому они, считай, жизнью обязаны. Неблагодарная натура человеческая.

Для меня в то время вот эти вот поездки, через многолюдство, как нож острый по сердцу. Дома хорошо себя чувствую, а на людях мне плохо. От взглядов, больше любопытных, чем понимающих, от пристающих с расспросами: «Женщина, а чего это вы в трауре, у вас беда случилась?». Так и хочется ответить злобно, нет, блин, радость большая, но молчишь, стиснув зубы и отворачиваешься. Ведь не из сочувствия, а из большого любопытства пристают.

А ближе к лету накал всё более возрастать стал и митинги начались. Вот на них я не шла, а прямо-таки мчалась. Не знаю, как объяснить, но это единение, эти эмоции меня словно силой наполняли жизненной. Так уж человек видимо устроен, нужно ему где-то энергию сбрасывать, а где-то пополнять.

И разговоры наши с Иришкой, и размышления, и обстановка в стране, даром не прошли, нашли отклик в душе. Надежды какие-то переполняли и желание деятельности. Ну и телевизор тогда живой стал, эмоций добавлял. Так надеялась, что хоть детям другая жизнь, может, достанется.

Настолько в это всё погрузилась, что беду с сыном проглядела. А сыновья мои (тогда начали на рынке жвачки бубль-гум появляться), повадились большой компанией ездить за этими жвачками на Москворецкий рынок. А денег где брать? Хочется, видимо желание выше страха, стал у меня Володя денежки приворовывать, по три рубля, по пять из кошелечка тащить. Я поначалу не замечала, а потом всё понять пытаюсь, вроде столько было, а не хватает, куда делись? На мужа грешила поначалу. А потом всё нечаянно открылось.

В тринадцатом подъезде у него дружок-приятель, тоже Вовочка Княжевский жил, они ещё в сад в одну группу ходили. У этого Вовочки бабушка деньги на похороны откладывала, три тысячи набрала, а прятала их в карман халата, в шкафу висевшего. Внук и подсмотрел за бабушкой, а потом денежки и выудил у неё. Вот они на эти деньги и развернулись, на широкую ногу, компания 10 человек, по три раза на дню на рынок, к одной и той же бабуле за жвачкой ездит. А бабуля быстро просекла, что дурачки малые перед ней, даст им пакет жвачек, а сдачу

прикарманит. Быстро они, за неделю, наверное, большую часть суммы и протрясли. А остатки Вовочка Княжевский прятал в коридоре возле своей двери, под ковриком, на котором санки стояли. А мой Вова, возьми и угляди, куда тот деньги прячет. Там уже 600 рублей только оставалось, когда мой соблазнился и вытащил их, прикарманил.

К тому времени пропажа в доме обнаружилась, устроили допрос с пристрастием и всё выяснили.

Вот эта бабуля и стала сначала всех детей на улице преследовать, деньги с них требовать, дети перепугались и перестали ходить гулять. Так она к нам и пришла, со своими претензиями и угрозой если не отдадим, то в милицию идти. Я её выслушала, позвала Володю, обо всём расспросила и он мне оставшиеся деньги выложил. Я ей их отдала и сказала: «а за остальным в милицию, пожалуйста, идите, ведь из дому их ваш внук вынес, а не остальные дети, а если вы наших детей преследовать не прекратите, то уже я и в милицию, и в суд на вас подам, за шантаж и вымогательство». Выпроводила я её, а самой плохо, кипит всё в душе.

Сын, значит, деньги у меня крал, он под давлением признался, что да. Тут и Саша с работы пришёл, и я говорю: «Отец, держи-ка его, сейчас будем руки рубить, ведь вора руки отрубали».

Жестоко, конечно, напугался он жутко, вырывался со страшной силой. Я рубить-то вообще не собиралась, так напугать, для острастки, да видимо переборщила. Потом, они уже спать пошли, а я в ванной ревела, вспоминая, как он извивался и дрожал, проклиная себя последними словами.

Правда, помогло это, больше не таскал деньги, до определённого возраста, пока снова однажды не соблазнился в 10 лет. А тогда стала я через некоторое время готовить, ищу этот топорик для отбивных, он из сплава, им не только ничего не отрубишь, мясо с трудом отбивается. А топорика нет, как нет. Володя его разбил и забросил разбитый под ванну. Мы его много погодя нашли случайно. Хоть и мыли под ванной, но обломки за ножку тряпкой задвигались, только когда ванную комнату ремонтировали, нашли.

Вот так непросто жилось, и такие ошибки совершались.

Глава 52. Упущения сказываются... Второгодники...

В апреле меня в школу вызывает учительница. Она даёт мне бумаги, её заявление и направление Володи к психиатру. Я в недоумении, но она уверяет меня, что мой ребёнок умственно-отсталый и нуждается в отдельном обучении в спецшколе, о чём она и излагает в заявлении. В любом случае он остаётся на второй год.

Иду домой в пришибленном состоянии, усиленно размышляя по каким признакам она определила, что мой ребёнок умственно отсталый. Все возрастные навыки, все его поведенческие реакции всегда ничем не отличались от остальных старших детей в этом возрасте. Да, есть особенности поведения, но это скорее относится к чертам характера, но не к состоянию ума. То есть он настороженно относится к посторонним, внимательно оценивая их, прежде чем общаться, он тугодум, но не всем же быть быстрым, лёгким и находчивым, он не любит чтение, с большей охотой смотрит фильмы, но это тоже не говорит за отсталость ума. В общем, и дома, делая привычные дела и общаясь с детьми, и потом, когда они улеглись, а я села вязать, я не переставала взвешивать и сравнивать своего сына со сверстниками. Согласитесь, клеймо умственно-отсталый настораживает, неужели я настолько ушла в себя, что проглядела состояние своего сына?

В таком случае мне срочно нужно что-то делать с собой, решать как быть дальше, чтобы помочь сыну.

На следующий день мы с сыном были у врача. Я подала бумаги и приготовилась наблюдать, как врач будет обследовать сына и что скажет мне.

Но врач неожиданно попросила меня выйти из кабинета и посидеть пока в коридоре, а потом она меня позовёт. Представьте себе мой испуг и растерянность, мой ребёнок, постоянно зажимающийся при посторонних, сейчас покажет себя с худшей стороны и его точно признают умственно-отсталым. Но просьбу врача я выполнила и вышла из кабинета. Сидя недалеко от двери, я ёрзала, как на иголках, рисуя себе в воображении самые жуткие картины. Мне казалось, что прошла вечность, прежде чем открылась дверь и врач за руку вывела из кабинета Володю, сказав ему, «а теперь ты посидишь здесь и подождёшь, пока я поговорю с твоей мамой?» И он ответил, что посидит и подождёт, а я вошла в кабинет.

Видимо врач видела и понимала в каком я состоянии, потому что с ходу заявила:

- Прежде всего, успокойтесь, у вас чудесный, сообразительный и абсолютно нормальный ребёнок.

Я проверила его по учебникам, проверила по тестам и делаю заключение, что ребёнок не умственно-отсталый, а запущенный педагогом. Он всё нормально объясняет, отвечает на вопросы, решает примеры, но немного туговато, словно часть материала не усвоена. В остальном у него здравые рассуждения и полное соответствие возрастному развитию. Если вопрос стоит о втором годе, пусть будет так, не ругайте его. Не его проблема, что учитель не сумел найти общий язык с учеником. Кстати вы не первые, кто идёт ко мне с её направлением. Идите спокойно домой, пусть ребёнок живёт спокойно, а заключение по вашему и тем случаям, (всего их, оказалось, пять), я перешлю в школу директору.

С этим мы и ушли. Всё что выдали нам на руки, справку, что ребёнок умственно здоров и может посещать школу. Это для учительницы.

В мае нам выдали табель, где было написано, что в связи с неуспеваемостью, мы оставлены на второй год. Когда мы вышли из класса, меня остановила и пригласила к себе в кабинет Таисия Александровна, бывшая Ирина учительница, а теперь завуч начальных классов. Володя ждал меня, играя в школьном дворе.

Таисия Александровна стала передо мной извиняться, за то, что она упустила Володю, вовремя не узнала, как его дела и что происходит, в противном случае она перевела бы его в другой класс. Она только недавно, когда уже поздно было исправлять, узнала, что Володя большую часть проводил не на уроках, а сидел наказанным в коридоре. Естественно, что он стал отставать в учёбе.

Вот так мелко и гадко мстила Ильмира Сабировна за моё выступление в защиту своего ребенка на собрании, а также тем детям, мамы которых вступились за меня и в свою очередь высказали ей свои претензии. Вот отсюда и эти пять детей.

Я сказала, что при чём же тут сама Таисия Александровна, а она ответила, в вашем случае я должна была быть особенно внимательной, но каюсь, и заплакала. Я поняла, что она вспомнила Иришку. Мне, именно мне пришлось её утешать.

Потом мы распрощались и я пошла искать Володю, чтобы идти домой, когда на пути мне встретилась классный руководитель Иришки, Таисия Алексеевна.

Она заговорила со мной, я отвечала. Но в разговоре она не преминула вернуть, что в гибели Иринки виновата я сама, помните, как она уходила из дома, а вы жили спокойно себе, не переживая. Я посмотрела на неё с горечью и сказала, прежде чем судить, надо хотя бы знать. «Извините, мне пора. Благодарю за ваш укол». И пошла от неё, она пыталась остановить меня, но я не остановилась и ушла. Пусть остаётся со своим мнением, всюду есть доброхоты, даже среди учителей.

Лето мальчики провели большей частью у бабушки в Серпухове, но когда в августе я их забирала, то мама сказала, что она с радостью и удовольствием будет брать Ванечку, но больше не возьмёт Володю. Он очень шепутной и своенравный и ей не по силам с ним справляться, я ответила, что учту это и буду отправлять ребёнка в пионерлагерь. Этим летом у нас стала часто бывать Наташа, Женина девушка. Ранее он не приводил её домой, она стеснялась, а теперь стала приходить, тем более я всё время дома и они на глазах. А сам Женя выступал с училищным ансамблем не только на их вечерах, но и в клубах. Он замечательно пел и ему прочили хорошую будущность, предлагая поступать на класс вокала в музыкальное училище. Не сбылось, слишком много поклонниц стало крутиться возле него, и Наташа переживала и ревновала, в итоге он бросил ансамбль. Теперь Володе предстояло идти второй раз в первый класс, а мне надлежало внимательно уделять ему всё время и силы. Весь год до второго августа, я никак не могла снять траурную одежду, пытаюсь надеть, что-то иное, срываю с себя и снова влезаю в чёрное. Теперь я решила преодолеть эту ненормальность, понимая, что от этого тоже зависит моё психологическое состояние. Я внезапно остро поняла, что уходя в себя, я могу потерять и упустить своих сыновей, а они же не скажут мне потом за это спасибо. Нужно жить дальше, жить ими и ради них.

Первого сентября мы уже пошли к другой учительнице Светлане Ивановне. Молоденькой, только недавно окончившей училище девушке и я надеялась, что всё будет хорошо.

Первое же собрание она устроила на третий день, где начала с того, что представилась и раздала всем по листочку бумаги и карандашу.

- Я прошу вас, каждого описать главные черты своего ребёнка, индивидуальные особенности, любимые предпочтения. Всё, что вы знаете о своих детях.

Мне очень понравился такой подход. Я описала, как сумела характер и наклонности ребёнка и сделала приписку, что ребёнок очень обязательно относится к поручениям, если ему сказать: «я на тебя надеюсь, я тебе доверяю» и наоборот делает всё спустя рукава, если ему просто приказывать. Это действительно была главная черта моего упрямого сынишки.

В дальнейшем я убедилась, что к нашим характеристикам и пометкам учительница отнеслась очень внимательно. Володя, не блиставший талантами, учился очень старательно и истово любил свою учительницу. Более всего он боялся огорчить её. Значит, о ней я могу сказать только одно, она учитель от Бога, пошедший по призванию. До сих пор, встречаясь с ней, он, взрослый мужик, отец двоих детей, говорит с ней с любовью и нежностью, а также с большим уважением.

В это же время я узнала, что у моей соседки, Ольги с шестого этажа, дочка тоже осталась на второй год. Олюшка вышла замуж рано, в 18 лет, мать алкоголичка, отца нет, жила с бабушкой и приходящей материнной сестрой, тёткой. Практически предоставленная самой себе. Бабка её чрезмерно строжила, от этого она и поспешила замуж за первого встречного смазливого парня, чтобы вырваться из-под опеки бабушки. Родила дочку, а муж, на то и смазливый, начал усиленно гулять направо-налево, пока она одна крутилась с ребёнком и терпела его выкрутасы.

Терпение кончилось, когда дочке исполнилось семь лет. К тому времени бабушка умерла и Ольга, забрав дочку, вернулась в свою квартира, а потом оформила с мужем развод. К тому времени и её непутёвая мамаша, жившая доселе у такого же мужика-пьяницы, в полуразваленном доме, решила вернуться домой, в хорошие условия. Так мать, дочь и внучка оказались на одной жилплощади, а Ольга попала из огня да в полымя, уйдя от пьющего и гуляющего мужа, попала в объятия мамы-алкоголички. Ей приходилось много работать, так как муж от алиментов уклонялся, а содержать ребёнка нужно и девочка ходила на продлёнку, до её прихода с работы. Помощи и объяснений в трудностях она ни от кого не получала и тоже осталась на второй год.

Узнав об этом, я предложила Ольге, не отдавать Динару на продлёнку, а позволить ей проводить время у нас до её прихода с работы. Я буду заниматься и с Вовой, и с Динарой. Она сначала стеснялась, а потом согласилась.

Так у меня стало на попечении два первоклассника, а в дальнейшем четыре. Но об этом в другой раз. Видимо я пыталась себя загрузить, чтобы искупить свою вину перед детьми.

Глава 53. Детсад на дому... Большие перемены грядут...!

Вначале недосказанное в предыдущей главе. Ильмиру Сабировну уволили, прежнему классу дали нового педагога, а её по представлению заключения детского психиатра отстранили от работы по несоответствию должности. Я не испытывала к ней неприязни из-за своего ребёнка, мне было даже жаль человека в предпенсионном возрасте не справившегося с личным горем и вымещавшего зло на других. Но дело было не в моих симпатиях или антипатиях, а во вреде, который она причиняла делу. Работу она себе нашла в универсаме на расфасовке продуктов. Мы часто виделись, и всегда она смотрела на меня с неприязнью и ненавистью, но Бог ей судья.

Теперь небольшое отступление в историю другой семьи, которая будет тесно связана с моей жизнью.

На нашей почте работала долгое время почтальон Галина Зеленевская-Гольдштейн. Филолог по образованию, ранее имевшая даже научные работы, она, я считаю не очень удачно вышла замуж, хотя по-прежнему жила с этим мужем и имела от него четверых детей. Характер у неё был очень мягкий, добрый, натура благожелательная к людям, но... Галя спилась. Муж музыкант, игравший когда-то в ансамбле Берёзка, баянист, много гастролировал и естественно пил. Впоследствии Галина, желая удержать мужа от пьянства, стала ездить вместе с ним и, принимая

участие в застольях, старалась перехватить его рюмки и выпить сама, полагая, что так ему меньше достанется, и он не напьется до состояния риз. Наивность, не он не напивался, а она втянулась и пошло-поехало.

Сначала потеряла работу она, дети оставались с бабушкой, пока они разъезжали, а следом из ансамбля погнали его, пьянство сказалось на необязательности и невыполнении работы. Потом он скитался по ресторанам, кабакам, свадьбам, перебивался случайными заработками. Бабушка умерла, старшие дети успели обустроить семьи до спивания отца с матерью, а с младшими, оставшись без средств к существованию, без надежды вновь вернуться к любимой работе, Галина обменяла хорошую квартиру в центре Москвы на трёшку, такую же, как у нас, в нашем микрорайоне, с хорошей приплатой. Так она надеялась преодолеть безденежье. Но время шло, пьянство не прекращалось, деньги подозрительно быстро растаяли, и она вынуждена была устроиться почтальоном. К тому времени, когда я её узнала, не сильно старая 45 летняя женщина выглядела не менее чем на 55, сильно худая, прокуренная и пропитая, с синюшным лицом, вечно торчащими седыми сильно вьющимися патлами и жгучими чёрными, вечно слезящимися глазами. Речь её была изумительно правильной и совершенно не вязалась с нелепым обликом. В трезвые дни она выглядела иногда даже элегантно. Когда я увидела фото её молодой, мне захотелось завывать, настолько она была когда-то прекрасна, насколько теперь ужасна.

Теперь с ней жили младший 14-летний сын, вечно непросыхающий безработный муж и дочь 23-х лет, гулящая и пьющая особа, имеющая двух детей погодков Максима и Наташу.

Максим, ровесник Володи, его она родила в 15 лет и Наташа на год моложе. Они оба ходили с Вовой в одну суточную группу. Когда я приходила забирать ребёнка, то находила в своём шкафчике постоянно грязные колготки с даже не вытряхнутым калом и однажды задала воспитателю вопрос, что случилось с моим ребёнком, ведь он был опрятный и приученный к горшку, и я только на всякий случай оставляла в шкафчике по 6-7 колготок. Неужели мой ребёнок стал неопрятным? На что воспитатель объяснила, что у них двое ребятшек, которых приводят на неделю без запасного белья, а они оба не приучены к горшкам. Поэтому бельё берут у тех детей, кому дают с запасом, что вам жалко что ли? Я ответила, что мне для детей не жалко, но они могли бы хотя бы вытряхнуть содержимое и сполоснуть, ведь от лежания сутками колготки сгорают и дырявятся, и я так не напасусь белья. После этого замечания колготки лежали всегда сполоснутые, а я стала приносить бельё и для этих детей, потом только узнала чьи они, когда за ними в пятницу никто не пришёл и я помогала воспитательнице относить их домой. Был сильно дождливый день, а с двумя детьми одной ей было не управиться.

Когда мы привели детей, и нам открыла вдрызг пьяная Галина, я была в шоке. Мне было стыдно и ей тоже. По работе мы друг друга знали, а в быту столкнулись впервые. Она извинялась, что вот дочь опять загуляла, а она перебрала и заспала.

С тех пор мне и пришлось, наравне с Татьяной Анастасенковой, другим почтальоном, опекать этих детишек.

И вот через две недели после начала учебного года, Татьяна, заглянув ко мне сказала: «Евгеньевна, где два там ещё два не помеха. Бери Наташку с Максимом под крыло. А то с ними никто не занимается, а Максим, хоть и головастый, но остался без присмотра на второй год».

И я согласилась. Теперь и эти двое после школы приходили к нам и часов до семи вечера мы и делали уроки, и гуляли, и ели, всё вместе. Частенько и Ванечка был пятым до кучи, он начал часто болеть простудами и оставаться дома.

Когда они, сидя вокруг кухонного стола, делали свои задания под моим присмотром и с объяснениями, где требовалось, Ванечка играл тут же на табуретке. Либо рисовал, либо возился с конструктором и внимательно прислушивался. У Вовы с Динарой случился какой-то ступор с

единственным примером 3+2, вот все решаем легко и правильно, а здесь тормозим и всё. Ни палочки, ни пальцы не помогают, хоть тресни. Я уже не знаю, как пробиться к их разуму и пробую по-всячески, не соображают. И тут Ванечка, который играл конструктором, кричит на них: «пять, бестолочи, пять даже я понял». Я онемела, не зная можно ли засмеяться, хотя меня просто разбирает. Но самое странное, что после его реплики они запомнили и больше на этом примере и на других тоже не тупили, может обидно показалось, что шпенёк понял, а они нет.

Таня каждый день приносила продукты, чтобы я могла готовить Максиму и Наташе, и Ольга тоже заботилась, чтобы Динара не была мне в тягость материально. Так что с этим я нужды не знала, а готовить на двоих или пятерых, никакой разницы, посуда побольше и только-то.

Так вот и жили большим колхозом и знаете, то, что я загрузила себя таким количеством забот пошло мне только на пользу. Я ведь ещё, впервые в жизни, и в родительский комитет впряглась и помогала в школе. Просто не ожидала от себя самой, а тут взялась. Правда делала только то, что можно было успеть, приобретала тетради и пособия для класса, помогала проводить мероприятия в школе, а вот на экскурсии с детьми ездили другие родители, мне от дома никуда. Но и так хватало.

Женя с Наташей по-прежнему встречались, вечерами пропадали, то к клубе, где он выступал, то в кино ходили, домой забегали всё реже. А я крутилась с малышкой, и мне было, как-то не до них. До определённого времени.

Вообще-то я с сыном не раз проводила беседы и предупреждала его и объясняла всё, так что он вроде бы был подготовлен и знал, если что сотворит, то я ему девушку бросить не дам. У него в 14 лет была первая влюблённость в девушку соседку, старше его на четыре года, и он очень переживал, когда она собралась замуж. Вроде бы дружна с ним была, правда говорила о парне в армии, но он надеялся, что это неправда, а тут парень вернулся, и она замуж пошла. Ох, как он рыдал, и я тогда с ним говорила, всё объясняла и успокаивала, что будет у него своя девушка, обязательно будет. А через год и появилась Наташа, и боль прошла.

Однажды они пришли, в декабре это было, где-то в конце, дня за четыре, наверное, до Нового года. Посидели у него в комнате, а он в Иринкиной комнате жил, а ребята в средней. Потом Женька вылетел разъярённый и Наташа расстроенная, и ушли.

Я детей как раз спать укладывать готовила, время-то девять уже. Улеглись они, тишина. Иду по коридору и слышу плач с лестницы. Рыдает кто-то навзрыд. А у нас стены и двери тонкие, слышимость отменная. Я дверь открыла, а на ступенях лестницы, напротив лифта Наталья сидит и взахлёб рыдает. Я выскочила, со ступеней её подняла «пойдём, - говорю, - в квартиру, чтобы людей не дразнить, не привлекать».

Привела её на кухню, мол, рассказывай, что за горе. Она и говорит, что поссорились и Женька сказал, что больше её видеть вообще не хочет и убежал. Я отвечаю «ну бывает, либо помиритесь, либо успокойся, другого парня найдёшь, свет на нём клином не сошёлся». А она с рёвом - да я, кажется, ребёнка жду. Что, а он знает? Нет, говорит, я ему ещё не говорила. Так, говорю, успокойся, раз у тебя малыш будет, тебе расстраиваться нельзя.

Заставила я её раздеться, напоила чаем, успокоилась она немного, а тут дверь открылась, сын явился. Ну, я ему мозги по полной программе прочистила и сказала о том, что он отцом будет. Тут он сразу к ней, куда обиды, прощения просить, а она опять в слёзы, но уже вижу, что другие. Оставила их поговорить, успокоиться.

После этого они меня позвали, как им быть. Я говорю, что пойдём с Женькой в исполком за разрешением на брак, самой-то Наташе оно не требуется, она совершеннолетняя, а ему нужно. А потом и заявление подавать поедом в ЗАГС. А Наташа отвечает, а как я своим скажу, я отца

боюсь. А ты не бойся, отвечаю, с отцом я говорить буду. Сговорились с ними, что они отца с матерью на первое число к нам в гости пригласят. Вот тут и поговорим с ними. Женя же у них тоже бывал, они его знают, так что всё нормально, приглашению не удивятся. А отец у Натальи строгий, самовластный, она его сильно боялась, но на меня положились.

В общем, и разрешение я получила на следующий день, и заявление подать тоже успели. Женя-то у меня с 73 года, а Наталья с семидесятого, три года у них разница. Она и училась как раз в последние три года у Таисии Александровны сразу после Иришки, а перед Иришкой у неё Ольга Динарина мать училась. Вот как тесно у нас всё переплелось. Ну, а первого января к трём часам дня, пришли Бессоновы, Наташины родители. Саша тоже дома был, я его подготовила уже, так что он в курсе, если что мне на помощь придёт. Познакомились, выпили за знакомство, как без этого. Я как всегда бокал шампанского, больше мне и не нужно. Разговорились, разогрелись помаленьку. А её отец тоже Саша. Он и говорит, ну что тёзка, давай за то, что мы тёзки, по второй вздрогнем, а я встречаю «Надрожитесь ещё, у нас и другая причина есть. Вот родители дорогие, собрались мы обсудить вопрос скорой свадьбы детей наших и их будущего ребёнка рождение». У Саши того челюсть так и отвисла, смотрит, глазами моргает и вижу продохнуть не может, а Валентина, мать Натальи рот руками с тихим «ох!» прикрыла и смотрит на него настороженно, ой что-то будет.

А я не даю гневу его разойтись продолжаю, словно и не замечаю ничего, а ребята бледные сидят и у Наташи вид такой, что вот сейчас сорвётся и убежит.

- Ну, чего – говорю – застыл? Примёрзнешь. Радоваться нужно, дочка выросла, прибыль в дом идёт, счастье, дедом и бабкой станете.

Он пока всё это слышал, видимо, перекипел, крикнул и Сашке моему говорит, тогда за детей, что ли.

В общем, гроза миновала и все выдохнули и заговорили разом, заулыбались. Вечер спокойно прошел, неспешно обсудили дела и без шума разошлись. Когда они уходили, он мне сказал:

- Ну, обскакала ты меня на кривой козе, укротила вмиг. Первая кому удалось.

Бракосочетание, несмотря на беременность, им на апрель назначили. Время тогда урожайное было, очереди в ЗАГС стояли по три месяца, так что времени на подготовку свыше крыши было. А год-то настал 90-ый.

